

Я ХОЧУ ЗНАТЬ, КЕМ БЫЛИ МОИ ПРЕДКИ

Андрей Сергеевич
Яновский

«*Ну*, вы-то из “бывших!”» – махали на нас рукой соседи, когда речь заходила о прошлых временах. Мы с братом недоумевали: что значит «бывшие», что скрывается за этим словом? Отец долго ничего не объяснял. Он привык считать эту тему в семье запрещенной – так приучила мать. В результате не от него, а от соседей мы впервые узнали, что нашего деда «забрали в 37-м» и что раньше, до революции, «здесь все было его». Имелся в виду большой дачный дом в подмосковной Немчиновке с обширным землевладением, на котором теперь и располагались участки соседей. И дом тоже, в основном, был теперь занят чужими людьми; за нами оставалась лишь маленькая комната и кухня-терраса.

Немчиновка! Как мы в детстве стремились сюда из опостылевшей московской коммуналки, где все было связано со школой, уроками и всяческим принуждением! Только в Немчиновке мы вырывались на волю и могли полностью отдаться детским играм. Только здесь можно было слиться с природой и совершать открытия.

Льжные, велосипедные, пешие походы по ближним и дальним окрестностям – сколько их было! Без Немчиновки не было бы и счастливого детства.

В нашей семье хранилась старая фотография деда, Сергея Николаевича Яновского (1894–1937), времен Первой мировой войны: молодой человек в папахе и офицерской форме притягивал наше внимание своим особенным военным видом. Удивительны были и краткие строчки на обороте фотокарточки: «Здравствуй, дорогая мама! Бежим от Австро-Германской армии. Прошли крепость Перемышль, взорвали форты. Был легко ранен, остался в строю. Сережа».

Сергей Николаевич Яновский.
Первая мировая война, 1915 г.

Несмотря на несколько ироничный стиль письма, в словах «бежим» и «был ранен, остался в строю» нам с братом чудилось присутствие какой-то жестокой военной правды и героизма. Хотелось знать больше. Мы вновь расспрашивали отца, в 1970-х он уже ничего не скрывал, но выяснилось, что знает он очень мало: когда деда навсегда увели из немчиновского дома, отцу было всего двенадцать лет – в этом возрасте еще мало интересуются своей родословной. Да и, по правде говоря, некогда было и думать тогда о происхождении – после ареста деда семья впала в крайнюю нужду, отец был вынужден работать, хотя и был еще мальчишкой, и прожил очень тяжелую жизнь, полную заботы о хлебе насущном.

Желая удовлетворить наш с братом интерес к истории семьи, отец посоветовал обратиться к нашим дальним родственницам – сестрам-старушкам Е.А. и С.А. Булгаковым, которые были монахинями (что в эпоху «развитого социализма» казалось совершенно невероятным) и вели скрытную жизнь вблизи разоренного Серафимо-Дивеевского монастыря. Они и выступили хранительницами семейной памяти. Подробный письменный ответ сестер Булгаковых превзошел все наши ожидания: оказывается, Яновские имели родственные связи с Толстыми, Кикиными, Щербатовыми. Знакомство с Ю.Б. Шмаровым – известным московским генеалогом – помогло уточнить цепочки родословных линий. Так удалось восстановить связь поколений, утраченную за советское безвременье, когда представители дворянских родов вынуждены были скрывать свое происхождение.

Мой предок в седьмом колене, **Евграф Андреевич Кикин** (1771–1854), встретился с французами на ратном поприще очень рано – еще в 1800 г. Он был участником Средиземноморского похода адмирала Ф.Ф. Ушакова и отличился в сражении за остров Корфу. Штурм укреплений острова Корфу – одна из блестящих побед русского оружия, о которой даже Суворов сказал, что «желал бы быть хотя бы мичманом при столь славном деле». Вот как описал подвиг Евграфа Кикина свидетель и участник тех событий Е.П. Метакса¹:

«...Французы в первом часу пополудни послали против нашей батареи новую вылазку. В ней было уже 1000 человек под командованием генералов Шабо, Пиврона и прочих батальонных начальников, в том числе до 40 конных. Они стремительно ударили на холм Кефало, где было наше укрепление. Здесь находился, кроме показанного числа людей, отставной волонтер нашей службы капитан Кирико с 30 албанцами и несколькими островскими жителями. Все они состояли под начальством капитана Евграфа Андреевича Кикина. Как скоро французы приблизились к батарее, то островские жители смялись

и предались бегству. Не должно этому удивляться: толпа мирных поселян от природы к неге приученных, может ли остановить людей, к сражениям приобвыкших. Увидев сильное ополчение неприятеля, под начальством известных им генералов, греки так испугались, что и вообразить себе не могли, чтобы столь малое число русских воинов могло драться против сил, гораздо превосходнейших. Неожиданный побег жителей и сильное стремление французов не ослабили нисколько действий нашей батареи. Русские встретили неприятеля с обыкновенным своим мужеством: схватка была прежаркая и упорная.

Севастопольцы видели тут в первый раз французов, наполнявших уже всю Европу страхом, и французов, одним только Суворовым в Италии поражаемых. Республиканцы наступали на батарею с трех сторон с великой неустрашимостью, но были отовсюду отражаемы с уроном, как пушками, так и штыками русскими. Жестокий бой с обеих сторон продолжался до самого вечера. Воспаленные мужеством, гренадеры наши не хотели далее оставаться за окопом, не принимая участия в общем сражении. Они единогласно просили капитана своего, чтобы он им позволил решить дело, сделав вылазку на неприятеля. Храбрый Кикин горел одним желанием со своими солдатами, он взял с собой отборных офицеров, 200 человек гренадеров и других охотников и пустился с ними на неприятеля. Выступив из батареи, отряд этот сделал один залп из ружей и в тот же миг быстро ударил в штыки; несколько турок и албанцев последовали их примеру. Французы, будучи поражены этим нечаянным нападением, отступили назад и иные едва могли укрыться под самым гласисом крепостей, оставляя победителям поле сражения, убитых и раненых. По возвращении наших на батарею, подоспел уже и новый отряд посланных с эскадр на подкрепление.

Урон со стороны французов был немаловажный: убит один батальонный начальник, несколько офицеров и до 100 рядовых, раненых было более 200 человек. С нашей стороны урон состоял убитыми: в подпоручике Чернышове, в двух унтер-офицерах, 26 рядовых, и трех канонерах, между ранеными находился храбрый Кикин, начальствовавший на батарее и получивший две тяжелые раны: одну пулей в верхнюю часть груди, а другую штыком в правый бок, лейтенант Ганфельд, офицеров 4, гренадер 62, бомбардир 1, канонер 1 и один артиллерийский унтер-офицер.

Из всех вылазок, сделанных французами, эта была самая значительная и, несмотря на превосходство сил, обратилась совершенно в ущерб их. Адмирал Ушаков крайне был доволен успехом этим и отдал полную справедливость отличившимся в этом деле: неустрашимому капитану Кикину и гренадерам его, лейтенанту Ганфельду,

албанскому капитану Кирико, старшим унтер-офицерам батальона Боаселя Сикийскому и Тичинину, также унтер-офицерам Осипову, Прасолу, Васильеву, Полетову, Страховскому и Жиленке, оказавшим отличные опыты усердия и храбрости.

Раны капитана Кикина подали повод к следующему странному анекдоту: имя этого отличного офицера сделалось известным по обеим эскадрам, сами турки принимали живейшее участие в его выздоровлении. Всякий старался быть ему в чем-то полезным и делать ему угодное. Дня четыре спустя после поражения французов, некто Эким-Мехмед, бывший на адмиральском турецком корабле в звании главного штаб-доктора, одевшись в праздничное свое платье, вошел неожиданно в мою каюту; так как он у меня прежде не бывал, то посещение это меня несколько удивило, но удивление мое еще более умножилось, когда Эким-Мехмед, подойдя ко мне ближе и сделав низкий поклон, произнес чистым русским языком следующие слова: “Ваше благородие! Бога ради поведите меня к капитану Кикину, ведь он мой господин! Я хочу его видеть и просить у него прощения. Я был коновалом у его покойного батюшки; меня отдали тогда в солдаты: под Мачином попался я к туркам в плен, по глупости своей отурчился и женился в Царьграде, имею пять человек детей. Благодаря Бога, нажил я себе хорошее состояние, получая хорошее жалование за лечение турецких матросов от ран и прочих болезней; я долго крепился... никому из русских не открывался, но как узнал, что мой барин находится здесь на кораблях и тяжело ранен неверными французами, мне стало так грустно, что я не знаю, куда деваться. Заставьте за себя вечно Богу молить, поведите меня скорее к барину моему – я хочу пасть к ногам его и просить у него прощения! У меня, батюшка, русское сердце, ко мне турецкого ничего не пристало. Я не Мехмед, меня зовут Кондрашкою!”»

Читатель может себе представить, сколь велико было удивление мое, открыв в штаб-докторе турецкого флота беглого русского солдата! Я не мог не удовольствоваться неотступной его просьбой и отвез его тотчас на корабль “Св. Павел”. Он от радости был долго безмолвен и кинулся потом к ногам своего господина, коему я должен был объяснить, кого он перед собой видит. Кикин, невзирая на ужасную боль, ранами причиняемую, не мог удержаться от смеха, видя у ног своих в богатой восточной одежде, с превеликой чалмой на голове слугу своего Кондрашку, переименованного Экимом-Мехмедом и возведенного из русских коновалов в турецкого главного штаб-доктора, призывавшего Бога в свидетели, что он сохранил русское сердце и готов для отечества и господина жертвовать чином своим, достоянием, женой и детьми...».

Тяжелые раны Е.А. Кикина вынудили его прервать военную службу и выйти в отставку; в 1807 г. он – Предводитель дворянства Курмышского уезда Симбирской губернии. Непосредственного участия в боевых действиях войны 1812 г. он не принимал, а способствовал победе над врагом на своем гражданском посту: собирал ополчение, выполнял срочные правительственные распоряжения военного времени и т. д.

Непосредственным участником и героем Отечественной войны 1812 г. стал его младший брат – **Петр Андреевич**

Кикин (1775–1834). Свою карьеру военного он начал тоже задолго до 1812 г. и при вторжении Наполеона был уже полковником. Всю войну П.А. Кикин занимал должность дежурного генерала 1-й Западной армии, то есть координировал действия всех армейских служб. «Полезных способностей, деятельности неутомимой, строгих правил чести, – характеризует его генерал Ермолов в своих «Записках»². – Благодаря полковнику Кикину я буду иметь минуты отдохновения!»

От распорядительности дежурного генерала зависели судьбы многих людей: при отступлении армии от Вязьмы к Цареву-Займищу только благодаря инициативе П.А. Кикина были спасены от плена и эвакуированы в тыл несколько тысяч раненых.

В сражении у Валутиной горы (7 августа) Петр Андреевич со штабными офицерами сумел остановить нашу пехоту, дрогнувшую под ударом авангарда маршала Нея. Приказав барабанщику играть «сбор», Кикин, обнажив шпагу, двинулся с примкнувшими к нему офицерами и солдатами спасать положение. Благодаря этим действиям противнику не удалось перерезать московскую дорогу. В ходе битвы Петр Андреевич был ранен в глаз, но остался в строю.

П.А. Кикин был очень дружен с генералом Ермоловым. (Они – дальние родственники: мать Кикина, Мария Федоровна, из рода Ермоловых.) Ночь перед Бородинским сражением они провели вместе. Рядом они оказались и в жаркой схватке за батарею Раевского, захваченную французами. Напряжение и драматизм момента передают воспоминания адъютанта Барклая де Толли В.И. Левенштерна³: «К этому пункту [батарею Раевского] поспешил

генерал Ермолов со всем своим штабом, при нем находился дежурный генерал Кикин и командовавший артиллерией граф Кутайсов. Ему [Ермолову] удалось под градом пуль сформировать пехоту и энергично поддержать дело, начатое храбрым батальоном Томского полка. <...> Мы овладели таким образом важной позицией, которую чуть было не потеряли. <...> Генерал Ермолов, Кикин и я были ранены, храбрый граф Кутайсов был убит».

Как известно, в тарутинский период Кутузов объединил 1-ю и 2-ю Западные армии в одну, закрепив за ней название «1-я Западная». Один из пунктов приказа Кутузова гласил: «Дежурным генералом Главного штаба армии остается полковник Кикин».

Из тарутинского лагеря Петр Андреевич пишет письмо брату (7 октября). Это – письмо-размышление, письмо-надежда на поворот событий, наконец, в лучшую сторону. Анализируя создавшуюся обстановку, он находит ее очень невыгодной для наполеоновской армии: «...одно счастье может спасти любимца своего [Наполеона], ибо, действительно, он в худом положении <...> Мудрено придумать даже, какие возьмет меры он. Остается одно отступление и то по дурным дорогам с изнуренными лошадьми и имея одну армию пред собою, другую на его дороге, [которые] не обещают ему ничего доброго <...> Гений его и счастье сопровождали всегда его замыслы – они одни могут его вывести из сего лабиринта».

Петр Андреевич участвует в бою под Малоярославцем, в четырехдневном сражении под Красным, проходит весь обратный путь преследования «Великой армии».

Французская атака на батарею Раевского и смерть генерала Коленкура. В. Адам

За выдающиеся заслуги его производят в генерал-майоры⁴, награждают Георгиевским крестом 3-й степени «В воздаяние отличного мужества и храбрости, оказанных в сражениях против французских войск в течение нынешней кампании».

В Заграничном походе 1813–1814 гг. Петр Андреевич командует бригадой, по возвращении из Парижа он выходит в отставку.

Но, рассказывая о Петре Андреевиче Кикине, нельзя ограничиться описанием только его военной стези. Он известен в мире искусств как покровитель талантов: вместе с князем И.А. Гагариным он учредил в 1820 г. Общество поощрения художников, сыгравшее заметную роль в истории русской культуры⁵. Многие художники навсегда сохранили глубокую признательность Петру Андреевичу за его бескорыстную помощь. Он устроил заграничную командировку братьям Брюлловым по окончании Академии художеств, покровительствовал Венецианову, Иванову, содействовал выкупу на волю крепостных художников. В общем Архиве Министерства Императорского Двора хранится немало всеподданнейших докладов Кикина царю на эту тему. В благодарность художники часто выполняли его портреты. Сохранились портреты П.А. Кикина и М.А. Кикиной (его жены) в исполнении Брюллова, Кипренского, Боровиковского.

Наконец, все сходятся во мнении, что именно Кикин первым подал мысль о строительстве Храма Христа Спасителя в Москве. Еще в начале декабря 1812 г. он пишет из Вильно известное письмо А.С. Шишкову⁶, государственному секретарю при Александре I, о необходимости создания в Москве храма в память изгнания Наполеона из России. Тут явно просматривается идея возрождения древней традиции обетных храмов, сооружавшихся на Руси в знак благодарности Богу за дарованную победу и в вечное напоминание о погибших. Уже 17 декабря о письме было доложено Государю, а 25 декабря Александр I опубликовал Манифест, в котором дал обет воздвигнуть в Москве церковь во имя Спасителя Христа.

Покровительствуя художникам, Петр Андреевич продолжает состоять на государственной службе – с 1816 г. он статс-секретарь комиссии «принятия прошений, на Высочайшее имя приносимых». На этой должности ему часто приходится вступать в конфликт с всеильным Аракчеевым, стремящимся на всё и вся наложить свою руку. Чтобы отстоять свое мнение, Кикин вынужден не раз входить с повторными докладами к царю.

После вступления на престол Николая I, Кикин подает в отставку и конец своей жизни проводит в своем рязанском имении (Алешна, Рязский уезд). Там его по-дружески навещает

А.П. Ермолов, тоже поначалу оказавшийся не у дел при воцарении Николая I.

В деревенской глуши Петр Андреевич заботится об улучшении жизни своих крестьян и усовершенствовании сельского хозяйства, стараясь и тут приносить посильную пользу.

На его могиле, находящейся в Александро-Невской лавре, начертаны следующие строки:

*С высот превыспренных на нас, Отец Небесный,
Ты ясно промыслом зарил в его трудах.
Друг человечества любовно пренежный
Он доблестями жив в признательных сердцах.*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Метакса Е.П. Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы. – СПб., 1915.

² Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг. – М., 1991.

³ Левенштерн В.И. Записки генерала В.И. Левенштерна // Русская старина, 1900. Декабрь. С. 572–582.

⁴ Григорович В.И. Петр Андреевич Кикин // Иллюстрация. Т. 4. – СПб., 1847. № 11.

⁵ Краткий исторический очерк Императорского Общества поощрения художников 1820–1890 / Составитель Н. Собко. – СПб., 1890.

⁶ Кикин П.А. Письмо дежурного генерала 1-й армии П.А. Кикина к Государственному секретарю А.С. Шишкову // Москвитянин, 1846. № 1. С. 159–167.